

В. С. ЗАЙЦЕВ

«Чехов наш союзник».

Опыты советских биографических очерков и жизнеописаний А. П. Чехова 1930–1940-х гг.

Два ключевых фактора лежали в основе создания послеоктябрьского идеологически адекватного новой культурной реальности образа А. П. Чехова. Первый — дореволюционная критическая традиция, по замечанию Е. А. Добренко, «интеллигентская, идущая из XIX века, традиция взгляда на литературу как на средство идеологической борьбы» *. От нее никто не отрекался и в советской критике: Л. Ф. Денисова в предисловии к сборнику статей по истории советской эстетической мысли пишет о большевистской партийной прессе, в которой «эстетика и художественная критика всегда играли заметную роль. Это было продолжением традиции русских революционеров-демократов, видевших в искусстве не “сибаритство”, а средство освободительной борьбы» **.

Второй фактор отмечен Е. Г. Елиной: «Право классика на существование в обновленной стране обеспечивалось возможностью отыскать в его творчестве некоторую революционную доминанту. Революционизации более или менее легко поддавались Белинский, Герцен, Помяловский, Решетников, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, с заметным сопротивлением и упрямством Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой и Чехов, хуже всего обстояли дела с Достоевским» ***. Собственно, второй фактор есть реализация первого не в контексте освободительной борьбы, а в конкретных по-

* Добренко Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. С. 139.

** Денисова Л. Ф. Вместо введения // Из истории советской эстетической мысли. М.: Искусство, 1967. С. 4.

*** Елина Е. Г. Литературная критика и общественное сознание в советской России 1920-х годов. Саратов: Саратовский университет, 1994. С. 104.

литических, социальных и культурных условиях, революционной борьбой так или иначе сформированных.

Поиски общественно-политической «доминанты» чеховского творчества начались непосредственно после Октябрьской революции на страницах многочисленных журнальных и газетных статей, а первыми монографическими очерками отмечен 1929 г., когда из печати вышли работы П. С. Когана и Д. И. Киреева, а также обширное предисловие В. М. Фриче к чеховскому собранию сочинений, представлявшие пример «негативных» творческих и мировоззренческих портретов А. П. Чехова с акцентом на явлениях, которых писатель не учел, не увидел, не отобразил (первыми в списке незамеченных и неотображенных феноменов, естественно, следуют марксизм и городской пролетариат)*. Однако на определенном этапе пришло общее понимание (ставшее результатом коллективных литературоведческих усилий, в частности А. Б. Дермана и Ю. В. Соболева) бесперспективности создания «негативных поэтик»: подход продемонстрировал относительную жизнеспособность лишь в контексте тупиковой вульгарно-социологической методологии, постепенный отказ от которой должен был привести и к пересмотру оценок чеховского творчества. Процесс переоценки не мог быть одномоментным. Переход к «положительным» концепциям осуществлялся через промежуточные варианты, наиболее заметным из которых явилась книга Ю. В. Соболева «Чехов», изданная в 1934 г. в серии «Жизнь замечательных людей».

Межеумочный Ю. В. Соболев

Книга эта стала вершинной точкой всей масштабной плодотворной чеховедческой работы Ю. В. Соболева. Именно с данной монографии начинается «жезээловская» чеховиана, в которой писатель представлен был в советское время тремя биографиями и шестью выпусками с учетом переизданий. (Серию «Жизнь замечательных людей» иногда расширяют за счет книг, которые к ней не относятся. Если говорить именно о «горьковской» серии, то первым «А. П. Чеховым» в ней стал текст Ю. В. Соболева; ранее под вывеской «Жизнь замечательных лю-

* См.: Киреев Д. И. А. П. Чехов. Жизнь и творчество. М.; Л.: Госиздат, 1929; Коган П. С. А. П. Чехов. Биографический очерк. М.; Л.: Московский рабочий, 1929; Фриче В. М. А. П. Чехов. Биографический очерк // Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 15–93. В 1929 г. была напечатана также важная в контексте истории советского чеховедения монография А. Б. Дермана «Творческий портрет Чехова», в методологическом отношении стоящая особняком от перечисленных работ — поэтому на данной монографии мы в статье не останавливаемся.

дей» несколько научно-популярных брошюр выпустило издательство «Московский рабочий», и в частности очерк П. С. Когана об А. П. Чехове, под этим же грифом в «Детгизе» в 1939 г. вышла беллетризованная чеховская биография, написанная А. И. Роскиным, — о ней речь впереди*.)

Печатный вариант работы состоял из шести глав, пять из которых излагали чеховскую биографию, а последняя глава — «Чехов-писатель» — была посвящена специфике чеховского мастерства (за исключением раздела «Чехов в современности»). Судя по рукописи, изначально Ю. В. Соболев планировал две большие части: «Жизненный путь» и «Творческий путь». Эпиграфом к первой служила хрестоматийная цитата из письма А. П. Чехова к А. С. Суворину от 7 января 1889 г.: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливал из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...» (ПЗ, 133)**, эпиграфом ко второй части — отрывок из письма А. П. Чехова к А. С. Лазареву от 20 октября 1888 г.: «Все, мною написанное, забудется через 5–10 лет; но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы — в этом моя единственная заслуга» (ПЗ, 39)***. Таким образом, лейтмотив «рабской крови» по первоначальному замыслу относился именно к жизненному пути писателя. В итоговом варианте эпиграф к первой части предварял уже всю работу. Строгое структурное разделение на «жизнь» и «творчество» также исчезло. Сохранившиеся в архиве Ю. В. Соболева материалы позволяют только в общих чертах установить, как должна была выглядеть вторая часть (рукопись состоит из большого количества повторяющихся

* См.: *Сухих И. Н.* От... и до...: Этюды о русской словесности. СПб.: Родник, 2015. С. 445–446. Исследователь, перечисляя чеховские биографии, вышедшие в серии ЖЗЛ, называет работы П. С. Когана, Ю. В. Соболева, А. И. Роскина, В. В. Ермилова, Г. П. Бердникова. Каталог всех книг, выпущенных в серии, отчет чеховских биографий ведет с книги Ю. В. Соболева и не упоминает работы П. С. Когана и А. И. Роскина. См.: Каталог, 1933–1985. М.: Молодая гвардия, 1987.

** РГАЛИ. Ф. 860 (Соболев, Юрий Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

*** Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

разрозненных отрывков — иные рассеяны по машинописному черновику в трех, четырех и более копиях): отдельного внимания должны были удостоиться водевили, взаимоотношение с А. С. Сувориным, «Попрыгунья» и «Вишневый сад». Видимо, данная часть явилась бы расширенным вариантом раздела «Чехов-писатель» из соболевского сборника статей 1930 г.* В итоге фрагменты подготовительных материалов Ю. В. Соболев распределил по всему тексту биографии. Например, выкладки об особенностях чеховских пьес в печатном варианте находим в главе «Предсмертный Чехов» (разделы «Вечный автор Художественного театра» и «Драматургия настроения»); краткий анализ повести «Степь» и неудачная попытка создания романа — в главе «Годы перелома» (раздел «“Степь” и замыслы романа»); в той же главе (раздел «За Суворина и против... “Нового времени”») — о дружбе с А. С. Сувориным, нововременском периоде творчества А. П. Чехова и его переписке с Н. К. Михайловским и т. д.**

Трудно судить, насколько реальные итоги работы были «хуже» или «лучше» замыслов, однако в печати труд Ю. В. Соболева получил немногочисленные и далекие от восторженных оценки. А. Б. Дерман, общетеоретически дифференцируя две составные части работы по созданию биографии «замечательного человека» — «подбор достаточного количества необходимых материалов и органическое преобразование последних в стройное жизнеописание», — высоко оценивал первый компонент монографии Ю. В. Соболева и критиковал второй: «Здесь прежде всего не чувствуется того стержня, к которому были бы прочно прикреплены разнородные факты и сведения, нет твердого законченного рисунка фигуры Чехова. <...> В... книге нет органичности»***. Из отсутствия органичности вытекают многочисленные внутренние противоречия. А. Б. Дерман отмечает, что в разных контекстах соболевский «А. П. Чехов» — то рассудочная, то страстная натура, что чеховским пьесам отказано в композиционной стройности, поскольку писатель якобы не руководствовался никакими осознанными законами при их создании, но дальнейшие рассуждения Ю. В. Соболева о продуманной архитектонике чеховской драматургии разрушают его же гипотезу и т. п. Кроме того, А. Б. Дерман обратил внимание на небрежность и торопливость, проявившиеся в обилии фактических ошибок.

* См. и ср.: РГАЛИ. Ф. 860 (Соболев, Юрий Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 2; *Соболев Ю. В. Чехов. 1930. С. 29–157.*

** См.: *Соболев Ю. В. Чехов. 1934. С. 233–241; 105–106; 129–155* и РГАЛИ. Ф. 860 (Соболев, Юрий Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6–15 и 122–131; Л. 284–286 и 290–292; Л. 42–45 соответственно.

*** *Дерман А. Б. Биография Чехова // Литературный критик. 1935. № 1. С. 207.*

Рецензент «Звезды» положительно оценил сугубо жизнеописательный аспект работы Ю. В. Соболева, отметив, что «биография... написана подробно и добросовестно»*, однако в остальном подверг монографию жесткому критическому разбору. Главная претензия сводилась к тому, что Ю. В. Соболев «не сумел дать четкой и правильной оценки эпохи, в которую жил и работал Чехов»: «В книге раскидано много замечаний о взглядах Чехова, но, несмотря на это, у читателя не создается определенного впечатления о мировоззрении Чехова, о его философских, политических и литературных принципах»**.

А. И. Роскин трактовал проделанную Ю. В. Соболевым работу в широком контексте путей послереволюционного чеховедения, где отводил Ю. В. Соболеву роль первопроходца: «В поле зрения советской критики и литературоведения Чехов вошел позже других русских классиков. “Ревизия Чехова” — новое прочтение литературного наследия Чехова и восстановление подлинного творческого облика писателя — начинается лишь в наши дни. Первые голоса за пересмотр накопившихся вокруг Чехова критических штампов принадлежали Ю. Соболеву, выступившему в 1925 г. с книжкой “Новый Чехов”, и М. Кольцову, развившему основные положения “Нового Чехова” на страницах “Правды”»***. Книга Соболева 1934 г., по мнению А. И. Роскина, «подводит некоторые общие итоги пооктябрьскому изучению Чехова», благодаря тому что автору «удалось соскоблить с чеховского портрета густые наслоения дореволюционных штампов»****. В другом библиографическом обзоре А. И. Роскин усиливает мотивы «итоговости», объявляя книгу Ю. В. Соболева «единственной биографией Чехова, вышедшей в пореволюционные годы (если не считать биографического наброска В. М. Фриче, приложенного к собранию сочинений Чехова, а также работ П. Когана и Д. Киреева, представляющих собой краткие популярные очерки, а не развернутые биографические труды)»*****. Однако все эти общего характера комплименты не отменяли частных претензий. Ключевая связана с генеральной концепцией: Ю. В. Соболев эпиграфом и путеводной нитью к своей работе выбрал цитату из чеховского письма к А. С. Суворину о «выдавливании рабочей крови», понимаемую слишком «расширительно», что, по мнению

* Злобин В. Юр. Соболев. «Чехов» // Звезда. 1935. № 2. С. 248.

** Там же. С. 246.

*** Роскин А. И. Проблемы творческой биографии Чехова // Художественная литература. 1935. № 3. С. 44.

**** Там же. С. 50.

***** Роскин А. И. Обзор новейшей чеховской литературы // Книга и пролетарская революция. 1935. № 9. С. 65.

А. И. Роскина, является упущением: «...объяснять важнейшие изгибы кривой общественно-политического роста Чехова тем или иным этапом процесса “выдавливания рабской крови” — это значит подменять абстрактной схемой конкретный анализ общественно-политических взглядов Чехова в различные периоды его жизни» *. (Схематичность подобного подхода была, видимо, для А. И. Роскина очевидной, он отмечал ее и во время прослушивания доклада А. Б. Дермана «Как Чехов по каплям выдавливал раба», прочитанного, возможно, в начале 1930-х гг. в «Обществе А. П. Чехова и его эпохи», в беглых заметках рядом с метафоричными характеристиками докладчика — «Дерман — евр<ейский> добрый умный филин» — соседствовало полемическое: «Реакционность — нововременство — это *сложнее*, чем капли раба по Дерману» **..) Помимо концептуального недостатка трактовок Ю. В. Соболева, рецензент разбирал многие менее глобальные недочеты: «неравномерность в освещении различных этапов жизненного пути Чехова», «слишком общий характер» главы о научной школе писателя, «бледную» характеристику А. П. Чехова как художника, умаление влияния на чеховское творчество Л. Н. Толстого ***. Главное достоинство работы А. И. Роскин усматривал в том, что Ю. В. Соболев «приблизил Чехова к читателю наших дней. <...> При этом Соболеву удалось избежать... “красного гимна” — подмены подлинного Чехова, со всеми его колебаниями, противоречиями и ошибками, стопроцентным оптимистом и чуть ли не революционером» ****.

Не встретила работа Ю. В. Соболева понимания и у М. П. Чеховой, чего, как мы убедимся в дальнейшем, добиться было проблематично. В письме к О. Л. Книппер-Чеховой от 14 ноября 1934 г. сестра писателя сообщала: «Получила от редакции “Жизнь замечательных людей” книжку Соболева о Чехове. Читаю точно про чужую семью! Да и нагородил же! Прости ему, Господи!» *****

Однако закрепиться в статусе хорошей книги с отдельными недостатками соболевский «Чехов» не смог. Всеми виной были выводы, касавшиеся общественно-политических взглядов писателя. В 1946 г. В. В. Ермилов будет полемизировать с концепцией Ю. В. Соболева об А. П. Чехове как выразителе взглядов «радикальной буржуазии», а И. Л. Гринберг — в рецензии как раз на книгу В. В. Ермилова — оха-

* Роскин А. И. Проблемы творческой биографии Чехова. С. 50.

** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 2. Ед. хр. 16. Л. 3, 4.

*** Роскин А. И. Проблемы творческой биографии Чехова. С. 51–52.

**** Там же. С. 53.

***** О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 2: 1928–1956. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 223.

рактирует работу Ю. В. Соболева как «очень дурную», «в которой великий художник изображен консерватором и ретроградом»*. Насколько содержание и основные акценты монографии Ю. В. Соболева объективно предопределили эволюцию оценок от сдержанных к негативным?

Фундаментом жизненного пути писателя и, как следствие, сюжетной основой биографии Ю. В. Соболев избрал процесс выдавливания «рабской крови», абстрактно объясняющий, по вышеприведенному замечанию А. И. Роскина, не только эволюцию общественных взглядов писателя, но и все перипетии его жизни, в том числе и внутренней. Если обобщить весь чеховский путь избавления от мещанских взглядов (именно к этому сводится метафора о «рабской крови»), предложенный Ю. В. Соболевым, то получим следующую периодизацию. Начальный этап мировоззренческих трансформаций связан для А. П. Чехова с авторитетом старшего брата, Ал. П. Чехова, который был «руководителем» чеховской юности**. Этап можно трактовать как подготовительный, поскольку во время «осколочного» периода творчества А. П. Чехов еще находился в плену мещанского мировосприятия, еще не начал осознанно освобождаться от косности (с. 63). Роль пускового механизма в деле освобождения от влияний воспитания и среды сыграл, по мнению Ю. В. Соболева, чеховский летний отдых в Бабкине (под Воскресенском), где писатель арендовал флигель в 1885–1887 гг. в усадьбе Киселевых, у «культурной дворянской семьи», в которой А. П. Чехов «находил то, что ему недоставало в его детстве и юности — культуру, воспитанность. И он воспринимал дворянские традиции, отнюдь не либерального оттенка, — сам Киселев был земским начальником, — еще не умея критически относиться к ним» (с. 68–69). В начале 1890-х гг. процесс идет полным ходом во время сахалинского путешествия и работы над книгой о нем (с. 64). Помимо прочего, одним из признаков «рабской крови» было «поклонение чужим мыслям», которое проявлялось во влиянии на чеховские взгляды А. С. Суворина (с. 158). Правда, суворинское влияние Ю. В. Соболев интерпретирует очень широко, иллюстрируя его нехарактерными примерами, в частности, своеобразно толкуя чеховскую статью о Н. М. Пржевальском: «Стенли и Пржевальский ценнее десятка учебных заведений и сотни хороших книг, но это потому, что они культуртрегеры. И сам Чехов хотел бы быть именно культуртрегером, причем рост страны он ставит в прямую зависимость от морального совершенствования общества. Но ведь такую программу

* Гринберг И. Л. В. Ермилов. «Чехов» // Знамя. 1947. № 2. С. 168.

** Соболев Ю. В. Чехов. 1934. С. 35. Далее в разделе ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках номера страницы.

защищало “Новое время”, и статья о Пржевальском, при всем уважении, которое питает Чехов к его памяти, не более, чем отражение суворинской идеологии» (с. 120). Складывается впечатление, что Ю. В. Соболев здесь превратился в жертву собственной предварительной концепции, обязавшей мобилизовать весь наличный, пусть и не всегда подходящий, фактический материал. Как бы то ни было, последний этап борьбы с внутренним рабом простимулировало и ускорило дело Дрейфуса, спровоцировавшее разрыв дружеских отношений с владельцем «Нового времени» (с. 218). В частности, именно благодаря юдофобским нововременским публикациям, посвященным процессу над Дрейфусом, А. П. Чехов «до конца изживает свой антисемитизм» (с. 222).

В целом предложенная Ю. В. Соболевым схема духовного роста А. П. Чехова и сегодня (безусловно, с оговорками) имеет право на жизнь, а главное — она вполне укладывалась в рамки идеологических требований, сложившихся к середине 1930-х гг. В чем же причина далекой от воодушевления реакции критики на соболевскую работу? В ходе изложения своей концепции мировоззренческих трансформаций писателя Ю. В. Соболев подчеркивает, что речь идет о «линии прежде всего этической», по которой «будет развиваться весь процесс рождения в Чехове... нового человека» (с. 77), к этическим аспектам сводится и влияние на писателя «дела Дрейфуса» (с. 222). А. И. Роскина, правда, эти оговорки не убедили: «...Соболев пытается в рамках процесса формирования чеховской этики вместить всю сложную картину роста чеховского сознания» *. Машинопись, к слову, содержит не попавший в печатный вариант книги фрагмент, согласно которому «весь смысл выступления Золя» для писателя «был не в политических побуждениях, а в тех моральных свойствах, которые заставили его заступиться за несправедливо наказанного человека. Да и “политика” родной страны вряд ли его интересовала» **. Проблема, однако, не в том, смог ли Ю. В. Соболев реально отобразить декларируемую доминацию «этического» над «общественно-политическим» в мировосприятии А. П. Чехова. Проблема была в выводах, касавшихся общественно-политической позиции писателя, которые исследователь формулировал безотносительно к чеховской этической программе, а иногда и в противопоставле-

* Роскин А. И. Проблемы творческой биографии Чехова. С. 50.

** РГАЛИ. Ф. 860 (Соболев, Юрий Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 218. Имеется в виду статья Э. Золя «Я обвиняю» (1898 г.), в которой писатель обличал французское правительство в незаконности обвинительного приговора Альфреду Дрейфусу.

ние ей: «Если Чехов избавился от тех или иных своих предвзятостей в отношении явлений социальной и политической жизни, то это еще вовсе не свидетельствует о наличии у него стройного и целостного миросозерцания» (с. 222–223). Вместо чеховского «стройного миросозерцания» Ю. В. Соболев выработал «альтернативу», сформулированную в стилистике уже ушедшего в прошлое социологизма, который вскоре поименуют вульгарным. В заключительном разделе последней главы («Чехов в современности») исследователь задается двумя вопросами. Ответ на первый — «Каким представляется нам Чехов?» — не выбивается из ряда типовых публикаций рубежа 1920–1930-х гг., когда наличествовал, но не вошел еще в широкий обиход тон юбилейного «гимна», упомянутого А. И. Роскиным: «Человеком огромного социального оптимизма, натурой активной, деятельно проявившей себя хотя бы в скромной сфере культуртрегерства...» (с. 305). Однако ответ на вопрос «Выразителем чьей идеологии был Чехов?» трудно назвать типичным или распространенным для марксистского чеховедения середины 1930-х гг.: «Чехов выступает как выразитель идеологии радикальной буржуазии. Он вместе с нею за культуру, за грамотность, за школы, он вместе с нею против унтера Пришибеева, против азиатчины, против бесправия, против самодержавия. И вместе с нею — с этой радикальной буржуазией, к которой он примкнул, пережив кризис своих переломных лет, он против революции. Он даже уверен, что революции в России никогда не будет. Он весь на эволюционной точке зрения» (с. 308). Несколько нюансов предопределили неприемлемость такой трактовки. С одной стороны — неясность терминологии: «радикальная буржуазия», напомним, вызвала некоторое время спустя недоумение у В. В. Ермилова. С другой стороны — излишняя категоричность в определении чеховских идейных особенностей. В трактовке Ю. В. Соболева писатель не просто испытывал влияния той или иной идеологической модели (безотносительно к реальности этой модели), но был активным и сознательным носителем конкретных мировоззренческих установок: А. П. Чехов «вместе» с буржуазией «за» культуру и «вместе» с ней «против» революции. Видимо, именно эта категоричность привела к интерпретации критикой соболевского «Чехова» как «ретрограда и консерватора»; не помогла даже в целом типичная и надолго устоявшаяся в советском чеховедении завершающая работу Ю. В. Соболева аттестация А. П. Чехова как борца с пошлостью: «В этой ненависти и в этой борьбе Чехов наш союзник» (с. 312). Некорректная трактовка общественно-политических взглядов писателя затмила любые попытки актуализации его творчества. Избежать подобной ошибки смог пять лет спустя А. Б. Дерман.

«Позитивист» А. Б. Дерман

А. Б. Дерман в истории отечественной чеховедческой мысли предстает в двух разноформатных ипостасях. Во-первых, в качестве автора оригинальной гипотезы, с помощью которой он пытался объяснить доминанты чеховской поэтики, а также дать исчерпывающий психологический портрет писателя. Во-вторых, как ретранслятор «массовых» вариантов трактовки чеховского наследия. Первая ипостась касается работы над «Творческим портретом Чехова» и его последующими переделками*. Чеховедение же для широкого читателя в научной биографии А. Б. Дермана представлено, помимо газетных и журнальных статей, критико-биографическим очерком, напечатанным в 1939 г.

Данный очерк — это научно-популярное изложение основных этапов чеховской биографии и творчества. В целом книга вписывается в чеховедческий ландшафт, характерный для второй половины 1930-х гг.: уже были преодолены издержки вульгарного социологизма, но «апофатические» описания чеховского мировоззрения продемонстрировали собственную недостаточность. Поэтому А. Б. Дерман, анализируя эволюцию чеховских общественно-политических позиций от индифферентного отношения к политико-общественным вопросам к предметному интересу и подобию «программы», ищет позитивные аспекты. Опору для которых находит в письме А. П. Чехова к А. С. Суворину от 9 декабря 1890 г., где писатель рассказывает о своих впечатлениях от Гонконга: «Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т.е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?» (П 4, 138). Прочитовав этот отрывок, А. Б. Дерман заявляет: «Здесь мы имеем сформулированное на конкретном материале признание преимущества развитого буржуазного строя над строем отсталым. В системе взглядов Чехова это чрезвычайно существенная черта, здесь впервые выступившая с полной

* См. нашу статью: *Зайцев В. С.* Из истории советского чеховедения 1920–1940-х гг.: о двух редакциях «Творческого портрета Чехова» А. Б. Дермана // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 137–149.

наглядностью. Впоследствии... отношение Чехова к культуре и цивилизации западных стран значительно осложнилось, но в целом он на всю жизнь остался “западником” и “культурником”»*. В дальнейшем А. Б. Дерман предлагает более конкретные мировоззренческие итоги сахалинского и заграничных путешествий писателя: «[А. П. Чехов] значительно полевел, приблизясь к позициям буржуазного демократизма»**. «Буржуазный демократизм» и является, по А. Б. Дерману, «катафатическим» описанием политических взглядов А. П. Чехова. При этом изжить полностью свойственную работам предшественников «апофатику» А. Б. Дерман не смог или не пожелал, рассуждая также и о «драме Чехова», которая «заключалась в том, что он проглядел как раз тот единственный класс, который был способен и которому история предназначила перескочить через ров и построить через него мост, — рабочий класс России»***. Объяснял данную «драму» А. Б. Дерман воспитанием будущего писателя в среде провинциального мещанства, узость «политического кругозора» которой А. П. Чехов не смог преодолеть. Все это в целом не выбивается из стандартного «массового» чеховедческого репертуара, а потому представляет «статистический» интерес, как еще одна работа, транслирующая оформившийся к концу 1930-х гг. набор конъюнктурно окрашенных тезисов.

Интерес иного рода — содержательный — представляет короткая заключительная глава монографии «Чехов в наше время», где А. Б. Дерман предложил классификацию и критику расхожих аргументов в пользу актуальности чеховского творчества. А. Б. Дерман насчитывал три основные группы таких аргументов: исторический интерес чеховских произведений («По ним мы можем изучать определенную историческую полосу русской жизни — 80-е и 90-е годы XIX века»); эстетические достоинства рассказов и пьес писателя, которые «никого не волнуют, но ими продолжают любоваться», и, наконец, помощь чеховского идейного и художественного наследия в борьбе с пережитками прошлого: мещанством, обывательщиной и вообще «чеховщиной»****. По мнению исследователя, круг подобных ответов на вопрос о связи классика с его новыми пооктябрьскими читателями «должен быть разорван». «Огромная, незаменимая роль гениев искусства... сводится к приобщению миллионов к самому глубинному ядру человеческих чувств, — писал А. Б. Дерман. — Любовь, нена-

* Дерман А. Б. Антон Павлович Чехов: Критико-биографический очерк. М.: ГИХЛ, 1939. С. 116.

** Там же. С. 126.

*** Там же. С. 146.

**** Там же. С. 206–207.

висть, героизм, страх, восторг, скорбь, ревность, скупость, грусть, радость и т.д. и т.д. — все эти чувства познаются нами через опыт, огромную часть которого составляет опыт гениев человечества»*. К таким гениям исследователь причислял и А. П. Чехова, сводя значение творчества писателя к глобальным вневременным общечеловеческим началам, что отличало эти выводы от социологизированных резюме Ю. В. Соболева. Еще более отличным от работы предшественника подход А. Б. Дермана предстает в свете внесенных в первоначальный текст исправлений.

Точно установить масштабы метаморфоз первоначального варианта рукописи проблематично: в сохранившемся наборном экземпляре страницы, претерпевшие кардинальную переработку, видимо, заменялись на чистовые. Но и доступные исправления дают представление о точечных отклонениях от изначальных формулировок.

Наибольший интерес представляют купюры отдельных идейно и тематически значимых отрывков. Например, повествуя о выборе А. П. Чеховым карьеры, А. Б. Дерман привел «семейную версию» причины поступления будущего писателя на медицинский факультет: тяжелая простуда после купания в жаркий день, лечение в Таганроге у гимназического врача О. Ф. Штремпфа, обучавшегося в Дерптском университете, дружба с ним и, как следствие, мечта А. П. Чехова о медицинском образовании в Дерпте. Далее следует купированный отрывок: «Сохранилось, правда, противоречащее ей указание, что незадолго до окончания гимназии Чехов высказывал намерение “пойти в попы”, т.е. поступить в духовную академию, но человек, с которым Чехов поделился этим проектом, и сам не мог решить, было ли это сказано в шутку или серьезно. А так как намерение это совершенно не вяжется с теми ощущениями и чувствами, какие церковь и церковная служба вызывали у бывшего певчего Чехова, то оно безусловно должно быть отнесено к разряду шуток Антона Павловича»**.

Вычеркивал А. Б. Дерман также отдельные пассажи, касающиеся чеховского «равнодушия» к политическим вопросам. «...Чехов не обладал тем, что называется законченным и определенным политико-общественным мировоззрением, чего не скрывал не только от себя, но и от других. Первое, что необходимо отнести к вопросу о мировоззрении Чехова, — это непостоянство, неоформленность и раздробленность его. Мировоззрения цельного, определенного у него не было в молодости,

* Там же. С. 209.

** РГАЛИ. Ф. 613 (Государственное издательство «Художественная литература» (ГИХЛ)). Оп. 1. Ед. хр. 6238. Л. 34. Далее в разделе ссылки на данную машинопись даются в скобках с указанием листа.

как и в зрелом возрасте. Он осознавал это вполне отчетливо. В письме его к Григоровичу от 1888 г. читаем: “политического, религиозного или философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно”» (л. 80–81).

Прочитывая отрывок из письма А. П. Чехова к А. С. Суворину от 25 ноября 1892 г.: «Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником» (П 5, 133–134), — А. Б. Дерман предложил рассуждение, полностью в ходе правки купированное. Не подвергая сомнению, что «отсутствие политико-общественного маяка впереди, отсутствие призывной цели наложили известный отпечаток на произведения Чехова: на их колорит и на их содержание», исследователь полагал, что крупный успех «не осколочных» рассказов А. П. Чехова среди профессиональной публики — Д. В. Григоровича, А. Н. Плещеева, В. Г. Короленко — побудил А. П. Чехова приняться за повесть «Степь», в которой он «с достоинством и блеском» обошел отсутствие у себя общей идеи: «Не пытаюсь заполнить этот пробел какими бы то ни было суррогатами, но ясно сознавая в то же время, что нельзя подходить к заполнению широкого полотна с испытанными приемами писания маленького рассказа, он положил в основу “Степи” не внутренне-объединяющее композиционное начало, не замысел, не идею, а чисто внешнее обстоятельство: длительную поездку» (л. 82, 85).

В итоговом тексте обороты сглажены: «громадный успех» не «принудительно выводил» (идейно и стилистически — крайне сомнительная формулировка, подчеркнутая в машинописи редактором), а «неожиданно выдвигал Чехова на передний план жизни», а отсутствие «спирту» (в чеховской терминологии — руководящей идеи) сменилось гибким «недостатком идеологического накала»*.

Из наиболее полемичной главы работы — последней — исчезла одна любопытная фраза. Прочитывая положение из статьи А. В. Луначарского о помощи чеховского творчества в преодолении «мещанской духоты», А. Б. Дерман корректировал: «Неужто Чехов нужен нашим читателям лишь в меру уцелевших в нашей стране остатков мещанской пошлости? Неужто, когда остатки эти будут выкорчеваны, потребность в Чехове отпадет?

Ставить вопросы подобным образом, — значит донельзя, поистине филистерски, сужать учение о критическом освоении культурного наследия...» (л. 204). В печатный вариант фраза о филистерстве, естественно, не попала, поскольку подразумевалось, что А. Б. Дерман в данном контексте обвинял в филистерстве непосредственно А. В. Луначарского.

* Дерман А. Б. Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк. С. 88.

Книга А. Б. Дермана была встречена сдержанно-положительно с замечаниями.

Рецензент «Звезды», например, хвалил очерк за обрисовку таганрогского периода жизни писателя, за освещение «малоисследованного эпизода литературной деятельности» А. П. Чехова — выпуска рукописного журнала «Заика», за рассказ о чеховской поездке на Сахалин, а журил за отсутствие подробного описания эпохи и «общественной обстановки», в которой формировались взгляды А. П. Чехова, за «скомканный вопрос» о чеховской драматургии и сотрудничестве писателя с Московским художественным театром и т. п., что позволяло сделать вывод о «недостаточно широком освещении» некоторых вопросов, связанных с чеховским творчеством, но тем не менее порекомендовать работу советским читателям*.

Гораздо полемичнее настроен был И. В. Сергиевский, который в своей рецензии на очерк, после ритуальной похвалы в адрес знания автором материала и лишённого академической тяжеловесности изложения, предъявил характерную претензию: «...порок в том, что автор, сумевший некогда создать замечательный по своей свободе от ходячих толкований и оценок творческий портрет Чехова, здесь странным образом поддался влиянию этих толкований и оценок, представляющих собой, в конечном счете, отрывку либерально-народнической легенды о Чехове, не имеющей ничего общего с реальной исторической действительностью»**.

Далее критик конкретизировал специфику и масштаб отмеченного недостатка: «Что, собственно говоря, имеет в виду автор, говоря об отсутствии у Чехова стройной системы общественно-политических взглядов? То обстоятельство, что, критически относясь к окружающей его жизненной действительности, Чехов не видел в то же время практических путей ее перестройки? Как будто бы так. <...>

*...В этом смысле не было стройной системы общественно-политических взглядов ни у Пушкина, ни у Лермонтова, ни у Гоголя, и, однако, ошибочно было бы думать, что они только и занимались писанием мелких вещей на любую тему и были неспособны к созданию идейно-насыщенных произведений»***.*

И. В. Сергиевский предлагал стандартный для рубежа 1930–1940-х гг. контрдовод: «Конечно, мертвая эпоха восьмидесятилетия не могла не положить какого-то отпечатка на сознание Чехова. Но автору не может не быть известно, с каким огромным интересом и глубоким волнением

* Злобин В. А. Дерман. «А. П. Чехов». Критико-биографический очерк // Звезда. 1940. № 2. С. 176–177.

** Сергиевский И. В. Книга о Чехове // Литературное обозрение. 1940. № 1. С. 47.

*** Там же. С. 47–48.

присматривался и прислушивался Чехов к нарастанию революционных событий в преддверии 1905 года: свидетельства мемуаристов единодушны в этом отношении»*. Обращают на себя внимание характеристика «мертвой эпохи восьмидесятничества» и перипетии, связанные с ее последующими оценками: шесть лет спустя В. В. Ермилов в первом издании «Чехова» даст периоду аналогичное описание, что вызовет возражения в одной из журнальных рецензий, и акценты в доработанных переизданиях книги будут В. В. Ермиловым смещены и смягчены.

Однако, несмотря на все отдельные недочеты критико-биографического очерка (и объективные, и обусловленные «идеологической повесткой»), А. Б. Дерман сумел одним из первых предложить (если рассматривать исключительно крупные монографические исследования, поскольку на ниве советских газетных и журнальных публикаций, связанных с «реабилитацией» общественно-политического потенциала чеховского творчества, первенство принадлежит М. Е. Кольцову**) подход почти полностью «позитивный», анализирующий то, что в произведениях и мировоззрении А. П. Чехова реально наличествовало (и может быть актуально для советского читателя), а не то, чего А. П. Чехову как писателю или общественному деятелю не доставало. Подчеркиваем — А. Б. Дерман был в этих поисках именно «одним из», поскольку в аналогичном ключе, но с ориентацией на максимально широкую (в том числе детскую и юношескую) аудиторию работал в это же время представитель молодого поколения советских чеховедов — А. И. Роскин.

Беллетризатор А. И. Роскин

А. И. Роскин — один из наиболее ярких литературоведов и критиков рассматриваемого периода — посвятил чеховской биографии и творчеству солидное количество публикаций***. Ключевое место в наследии А. И. Роскина-чеховеда принадлежит трем крупным работам: «Биографическому очерку», напечатанному в сборнике изданных «Детской литературой» избранных произведений А. П. Чехова в 1935 г. (второе издание — 1938 г.), биографической повести «Чехов» (1939 г.) и повести «Антоша Чехонте» (две части были

* Там же. С. 48.

** См.: Кольцов М. Е. Чехов без грима // Правда. 1928. 15 июля (№ 163). С. 6.

*** См.: Роскин А. И. 1) Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте. М.: Советский писатель, 1959; 2) А. П. Чехов. Статьи и очерки. М.: ГИХЛ, 1959. В приложении к последнему сборнику приводится библиография работ А. И. Роскина об А. П. Чехове.

напечатаны в «Красной нови» в 1938 и 1940 гг., отдельные издания выходили в 1939 и 1940 гг.). Все три работы представляют своего рода единое целое, что подтверждается «текстологической» взаимосвязью: каждая следующая включала в себя значительные вкрапления из работ предыдущих. Собственно, подробная хронология такова: в 1935 г. А. И. Роскин публикует «Биографический очерк»; в 1938 г. напечатана первая часть журнального варианта «Антоши Чехонте»*, шесть глав которого войдут в биографическую повесть «Чехов» 1939 г. (с некоторыми перестановками: раздел одиннадцатый шестой главы журнального варианта станет первым разделом седьмой главы биографической повести, раздел двенадцатый — частью пятого раздела седьмой главы, раздел тринадцатый — концовкой одиннадцатого раздела шестой главы «Чехова»); весной 1939 г. в Ростове-на-Дону главы журнального варианта «Антоши Чехонте» были выпущены отдельным изданием**, летом вышла биографическая повесть «Чехов», а отрывок из «Антоши Чехонте» был напечатан в «Литературной газете»***; осенью 1940 г. вышли из печати полное отдельное издание «Антоши Чехонте» и вторая часть его журнального варианта в «Красной нови»****. Журнальный вариант, будучи отчасти самостоятельным текстом, формировался в том числе из материалов готовой рукописи отдельного издания, поскольку оно было сдано в набор на месяц раньше, чем соответствующий номер «Красной нови». Иными словами, говоря о едином целом касательно крупных чеховедческих сочинений А. И. Роскина, есть основания подразумевать не только идейную гомогенность: все эти работы — во многом буквально единый, редактируемый (сокращаемый, дополняемый) текст.

«Биографический очерк» А. И. Роскина, выступившего с первыми чеховедческими публикациями в юбилейном 1929 г., стал его первой крупной работой об А. П. Чехове. Собственно, знаковым событием в чеховедении и литературоведении, ориентированном на подрастающее поколение, явился весь однотомник избранных чеховских произведений, составной частью которого был «Биографический очерк». На исключительно высоком уровне компоновки материала остановился в своей рецензии на издание А. Б. Дерман. Отметив, что репутация А. П. Чехова как наиболее «понятного» отечественного

* См.: Роскин А. И. Антоша Чехонте. Биографическая повесть // Красная новь. 1938. № 12. С. 125–162.

** См.: Роскин А. И. Антоша Чехонте. Биографическая повесть. Ростов-н/Д.: Ростов. обл. книгоизд-во. 1939.

*** См.: Роскин А. И. Братья // Литературная газета. 1939. 15 июля (№ 39). С. 3.

**** См.: Роскин А. И. Антоша Чехонте. Часть вторая // Красная новь. 1940. № 7–8. С. 73–116.

классика очень часто приводит к упрощенной подаче его произведений детскому читателю, А. Б. Дерман охарактеризовал однотомник А. И. Роскина как «совершенно иной тип книги»: «В основе его лежит строго продуманный план, главная задача которого столь же ясна, как и плодотворна: дать детскому читателю Чехова во всех проявлениях его богатой индивидуальности»*. «Биографический очерк» в рецензии упомянут не был, однако позднее, в посвященной памяти А. И. Роскина статье, А. Б. Дерман писал, что «таких ярких, своеобразных, живых и остроумных» произведений «о жизни и творчестве Чехова наша детская литература еще не знала»**. Добросовестность А. И. Роскина как составителя и комментатора ярко проявляется в сравнении с некоторыми образчиками аналогичной книжной продукции рассматриваемого периода. Курьезным примером служит выпущенный Гослитиздатом в 1936 г. сборник избранных повестей и рассказов А. П. Чехова, на вступительную статью к которому откликнулся в письме, присланном в редакцию газеты «Правда», один из внимательных читателей: «...“знаток” Чехова пишет, что А<нтон> П<авлович> “был похоронен в Крыму (Ялта)”, даже точно указывает место (Ялта). Кто же похоронен в Москве в бывш<ем> Новодевичьем монастыре?? Возможно ли держать в издательстве таких арапов»***. К слову, автор статьи, Ф. Х. Бутенко, помимо путаницы с местом захоронения писателя, отнес первую постановку «Иванова» на «столичной сцене» к 1888 г., в то время как пьесу поставили в Москве в 1887 г., а в Санкт-Петербурге в 1889 г., и на один год ошибся с избранием А. П. Чехова в почетные академики, датируя событие 1901 г. вместо 1900 г.**** При этом биографической части посвящены только первые две страницы статьи, остальное место занимают характеристики творчества А. П. Чехова, исполненные в неотличимой от типовых выкладок вульгарных социологов стилистике. Очерк А. И. Роскина на таком фоне представлял отрадным явлением, особенно для специалистов.

Кроме того, А. И. Роскин опубликовал небольшую статью о собственной работе над однотомником, и некоторые положения этого материала могут служить адекватной характеристикой специфики не только однотомника и «Биографического очерка», но и вообще всех крупных

* Дерман А. Б. Однотомник Чехова // Детская литература. 1936. № 5. С. 25.

** ОР РГБ. Ф. 356 (Дерман, Абрам Борисович). К. 12. Ед. хр. 2. Л. 21–22.

*** РГАЛИ. Ф. 613 (Государственное издательство «Художественная литература» (ГИХЛ)). Оп. 7. Ед. хр. 531. Л. 14.

**** Бутенко Ф. Х. А. П. Чехов // Чехов А. П. Избранные повести и рассказы: в 2 кн. Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1936. С. 4.

чеховедческих работ А. И. Роскина, который в числе прочего отмечал стремление некоторых изданий «специализировать» чеховское творчество, выделить те или иные писательские линии»: А. П. Чехов в серии «Дешевая библиотека» Гослитиздата (имеется в виду и двухтомник со статьей Ф. Х. Бутенко, выпущенный в данной серии) «представлен почти исключительно как автор рассказов из крестьянской жизни», другие издания заостряют внимание на «щедринской линии» творчества писателя*. А. И. Роскин свой метод компоновки материала для однотомника определил как «отказ от “специализированного Чехова”»**. А в очерке А. И. Роскину, по его собственному признанию, хотелось донести образ А. П. Чехова с помощью «часто, быть может, внешних, но характерных для человека деталей»: «Я решил не бояться “мелочей”, несущих в себе частицы живой теплоты, ибо не всегда биографизм и фактография — синонимы». Главенствующим своим принципом А. И. Роскин объявляет «сочетание интимности с историзмом»***. Этот принцип предопределил все достоинства и недостатки биографических повестей исследователя.

Негативно, с позиции главного охранителя семейной репутации, отнеслась к работе А. И. Роскина М. П. Чехова, насколько об этом можно судить по замечаниям, которые сестра писателя оставила на полях личного экземпляра однотомника. Например, фраза о гимназическом преподавателе Покровском, который, по версии А. И. Роскина, внушил А. П. Чехову интерес к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина, отмечена ремаркой: «Сплошной абсурд!» Пассаж о том, что будущий писатель в театре искал убежища от лавки, «целования поповских рук» и жестокости отца, квалифицирован как «Вздор!». «Неправдой» окрестила М. П. Чехова характеристику отца, П. Е. Чехова, как человека «сурового и необщительного». Когда А. И. Роскин объясняет причины краха торговли П. Е. Чехова сложностью конкуренции с оптовиками, ссылаясь на данные М. М. Андреева-Туркина, М. П. Чехова восклицает: «Почему же не обратиться к сестре и брату М<ихаилу> П<авловичу>? Ведь они еще живы!» «Неверно», по мнению сестры писателя, и то, что отрывок о «выдавливании рабской крови» А. П. Чехов писал о самом себе****.

К замечаниям М. П. Чеховой подобного рода — а ее пометы на страницах работ, посвященных жизни и творчеству брата, за редкими

* Роскин А. И. О работе над «детским Чеховым» // Детская литература. 1936. № 2. С. 49.

** Там же. С. 49.

*** Там же. С. 50.

**** КЛХММЗ. КП 848/88. С. 9, 13, 14.

исключениями, все «подобного рода» и представляют идейно-стилистическое единство, — следует относиться осторожно. Психологически такой подход объясним, но служить фактической опорой для каких бы то ни было выводов он не может, причем не только в силу «ангажированности» М. П. Чеховой, но и в силу того, что одни и те же эпизоды биографии семьи провоцировали разные реакции. Характерный пример: когда А. И. Роскин, описывая безденежье Чеховых в первые годы пребывания в Москве, замечает, что «работали все», причисляя сюда и старших братьев — Николая и Александра, — М. П. Чехова записывает на полях: «Александр и Николай работали только для себя!»* Однако в личном экземпляре работы А. Б. Дермана «Творческий портрет Чехова» рядом с замечанием о роли А. П. Чехова как «единственного кормильца семьи в ту пору (да и впоследствии)» М. П. Чехова пишет опровержение: «Другие братья работали, уже и сестра давала уроки, все работали в семье, а А<нтон> П<авлович>, конечно, зарабатывал больше других»**. Н. Ф. Иванова комментирует данную реплику так: «Подспудно звучит, что дружная семья все невзгоды переживала вместе»***. Если предположить, что М. П. Чехова знакомилась с работами по мере их выхода из печати и труд А. Б. Дермана прочла раньше, чем очерк А. И. Роскина, то напрашивается вывод либо о том, что «концепция» сестры о дружной семье претерпела существенные изменения между 1929 и 1935 гг. (своеобразно деградировав в отношении охраны репутаций Ал. П. и Н. П. Чеховых), либо о том, что концепции как таковой никогда не существовало, а был набор эмоциональных реакций на конкретные тексты. Вопрос открыт и, видимо, навсегда останется открытым, а отношение М. П. Чеховой к А. И. Роскину несколько лет спустя переросло в явно враждебное. Отвечая на вопрос О. Л. Книппер-Чеховой о повести «Антоша Чехонте», М. П. Чехова в письме от 23 января 1941 г. заявляет: «Роскина я ненавижу и читать его не стану, врет назло мне, и черт с ним»****.

Позднее биографический очерк чрезвычайно высоко — и вне контекста сугубо детской литературы — оценивала во внутренней рецензии для сборника статей А. И. Роскина, выпущенного в ГИХЛ, Э. А. Полоцкая, сравнивая труд исследователя с «жезээловской» биографией Ю. В. Соболева и очерком А. Б. Дермана: «Обе работы

* Там же. С. 19.

** КЛХММЗ. КП 848/294. С. 30.

*** Иванова Н. Ф. М. П. Чехова о своей семье (по пометкам в книгах личной библиотеки) // Чеховские чтения в Ялте. Мир Чехова: семья, общество, государство. Симферополь: Максима, 2014. С. 160.

**** О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 2: 1928–1956. С. 389.

солидных, эрудированных чеховедов проигрывают на фоне биографического очерка Роскина... Успех этой первой большой работы Роскина объяснялся не бойкостью пера автора и умением увлекательно говорить об увлекательных вещах, а тем, что она предстала перед читателем во всей чистоте непосредственного, свободного от социальной вульгаризации понимания Чехова. Прочтите этот очерк во всеоружии знания современной биографической литературы о Чехове — и вы увидите, что основные идейные оценки Чехова как писателя, человека, гражданина — это наши оценки»*. Прежде чем конкретизировать, какие именно оценки подразумевала Э. А. Полоцкая, обратимся к структурно-функциональной характеристике работы.

Итак, в «Биографическом очерке» А. И. Роскин выстраивает жизнеописание А. П. Чехова с помощью тематических блоков, характерных и для старших товарищей по чеховедческому цеху (в первую очередь — для работ Ю. В. Соболева, А. Б. Дермана): тяжелое детство (религиозное воспитание и необходимость работать в лавке отца), гимназия-«тюрьма», письмо Д. В. Григоровича, поездка на Сахалин и т. д. Жизнеописание дозированно перемежается с краткими выкладками, характеризующими то или иное затрагиваемое явление, например, касаясь вопроса о революционных настроениях 1870-х гг., А. И. Роскин отмечает, что А. П. Чехов «к политике в те годы... относился безразлично, но в то же время горячо откликался на всякую несправедливость по отношению к отдельной личности»**. О чеховской политической индифферентности, напомним, писали и Ю. В. Соболев, и А. Б. Дерман (по мнению первого, она была константой, по мнению второго — свойственна умонастроениям писателя времен его молодости). Исключение из принципа «характеризующей» краткости представляют два отрывка работы А. И. Роскина: объемное перечисление специфических черт эпохи 1880-х гг. в четвертой главе и седьмая глава, являющаяся идеологическим центром, дающая общую оценку чеховского творчества и взглядов писателя. В этой главе («Обвинитель прошлого») А. И. Роскин высказывает положения, сближающие его основные идеи с ранее вышедшей в серии «ЖЗЛ» работой Ю. В. Соболева (кроме того, с роскинской концепцией перекликаются некоторые положения изданного позднее критико-биографического очерка А. Б. Дермана). Собственно, сама концепция оформилась в конце 1920-х гг.: одна из первых статей А. И. Роскина, посвященных А. П. Чехову, была опубликована в 1929 г. и называлась «Не “певец”, а обвинитель про-

* ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 3. Ед. хр. 3. Л. 21.

** Роскин А. И. Биографический очерк // Чехов А. П. Избранные произведения. М.: Детская литература, 1935. С. 15.

шлого»*. Основные тезисы этого текста исследователь и воспроизводит в «Биографическом очерке», почти не делая скидок на его «детиздатность». Писатель презентован здесь не нашедшим «своего общественного идеала» «изобразителем опустошенной и придавленной интеллигенции», описывая которую А. П. Чехов «менее всего призывал читателя к умилению и слезам над своими героями»; «российский обыватель нашел в Чехове непримиримого врага», и «революционное значение Чехова» сводится к «глубокому и искреннему упреку», сформулированному М. Горьким: «Скверно вы живете, господа!»** При этом «пути революции», по мнению А. И. Роскина, оставались для А. П. Чехова «смутными», от пролетариата писатель был далек и в силы его не верил: «Революционеры остались для Чехова лишними людьми, отщепенцами. Даже в последних своих произведениях, проникнутых предчувствием великих общественных перемен, Чехов выводит революционеров чужаками, вызывающими к себе сочувствие, но еще больше — жалостливую улыбку. Это — Петя Трофимов... и умирающий от чахотки типограф Саша из рассказа “Невеста”***. Любопытно, что Э. А. Полоцкая, очень высоко оценившая общий уровень очерка на фоне работ, несвободных от элементов вульгарной социологии, предъявила последней главе претензии, которые вполне можно было высказать в адрес большинства вульгарных социологов. Э. А. Полоцкая находила «неточным» предложенное А. И. Роскиным «определение общественного значения творчества Чехова»: «...чеховская интеллигенция в этой главе — синоним пошлости и безыдейности; от автора ускользнули симпатии писателя к широким слоям честной, трудящейся интеллигенции, с которой он был тесно связан. То, что говорит Роскин, правильно, но недостаточно», а слова об отсутствии у А. П. Чехова «общественного идеала» «теперь [в 1958 г.] можно понимать только в том смысле, что Чехов не связывал свои общественные идеалы (они у него были!) с каким-либо конкретным социальным слоем»****. Однако именно игнорирование А. П. Чеховым пролетариата как прогрессивного социального слоя в работах, например, В. М. Фриче или П. С. Когана фактически приравнивалось к отсутствию полноценного общественного идеала — А. И. Роскин здесь идет пусть не столь ультимативными, но не им проторенными путями. Иными словами, образ

* См.: Роскин А. И. Не «певец», а обвинитель прошлого (К 25-летию со дня смерти А. П. Чехова) // Беднота. 1929. 13 июля (№ 3359). С. 2–3.

** Роскин А. И. Биографический очерк // Чехов А. П. Избранные произведения. М.: Детская литература, 1935. С. 52, 54.

*** Там же. С. 54.

**** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 3. Ед. хр. 3. Л. 26.

А. П. Чехова, данный в «Биографическом очерке», частично представал в ореоле вульгарного социологизирования рубежа 1920–1930-х гг. со всеми сопутствующими издержками.

Преодолением этих издержек стала повесть «Чехов», напечатанная в 1939 г. и фактически явившаяся расширенным вариантом биографического предисловия к однотомнику 1935 г. А. Б. Дерман выстроил рецензию на «Чехова» вокруг сравнения предисловия и повести, причем далеко не в пользу последней: «О биографии Чехова, написанной А. Роскиным, можно сказать по справедливости, что она читается как увлекательная повесть, о повести же приходится сказать, что она читается как та же, но ухудшенная биография. Более того, когда читаешь ее после биографии, то чувствуешь на каждом шагу, что и родилась она не самостоятельно, как художественное произведение, а как переработанная биография, притом — переработанная нередко только с верхнего слоя. Но такого рода произведения страдают обычно тем, что и биографические факты в них утрачивают свое достоинство точности, и приемы беллетризации не возвышаются до степени художественности»*.

Отдельное место А. Б. Дерман в рецензии уделил фактическим ошибкам в повести А. И. Роскина: «“Что такое вексель, дети совсем не понимали, — замечает тов. Роскин, — но они улавливали, что это, во всяком случае, нечто злое”. Ну можно ли так фантазировать! Неестественно, чтобы дети, родившиеся и выросшие в торговой среде, совсем не понимали, что такое вексель. Еще хуже, однако, то, что речь идет о братьях Чеховых, когда они были гимназистами старших классов, а между тем в III классе гимназии проходили в курсе арифметики специальные отделы: “Правила процентов” и “Правила учета векселей”.

Дважды говорит автор о каком-то “мундире церковного старосты”, которого никогда не существовало. Он сообщает, что “Чехов подписался на московского “Сына отечества”, который выходил в Петербурге. Он уверяет, что о причинах увольнения братьев Чеховых из уездного училища было сказано так: “За громкие успехи и тихое поведение”, между тем как это вещь совершенно невозможная в документе, и приведенная фраза есть не что иное, как вывороченный наизнанку и потому лишенный смысла ходячий каламбур: “За громкое поведение и тихие успехи”. Описывая мелкую литературную братию начала 80-х годов, автор изображает некоего адвоката Озерецкого “в засаленном сюртуке, украшенном университетским значком”, между тем как значки эти были введены примерно лет пятнадцать спустя» и т. д.**

* Дерман А. Б. Чехов // Детская литература. 1939. № 10–11. С. 54.

** Там же. С. 57.

Подхватил эстафету создания комментированной антологии ошибок и неточностей в повести А. И. Роскина А. Г. Горнфельд, чем делился в письме к А. Б. Дерману. Приведем некоторые замечания А. Г. Горнфельда в форме «диалогов»*.

А. И. Роскин: «Каждую неделю по дороге из университета на Драчевку Чехов покупал у газетчика “Стрекозу”. Журнал с разноцветными рисунками переходил дома из рук в руки и потом валялся на столе у Антона между учебниками и записями лекций» (с. 78).

А. Г. Горнфельд: «В “Стрекозе” *никогда* (в противоположность “Осколкам”, “Шуту” и др.) не было цветных рисунков» (л. 4).

Здесь можно было бы заподозрить А. Г. Горнфельда в чрезмерных придирках к мелочам, однако это были принципиальные мелочи для младших современников А. П. Чехова: об отсутствии в «Стрекозе» цветных рисунков писал А. И. Роскину и В. В. Вересаев**, к отзыву которого мы вернемся ниже.

А. И. Роскин: «Чехов садился в возок и ехал дальше» (с. 142).

А. Г. Горнфельд: «Чехов ехал по Сибири на колках, а возок — крытые сани. “На диво слаженный возок” в “Русских женщинах” — на полозьях. Чехов ехал летом, а Трубецкой зимой» (л. 4).

А. И. Роскин: «— Я каждый день глотаю по жабе, — сказал Зола о монархических газетах» (с. 190).

А. Г. Горнфельд: «Ерунда. Зола сказал это о *всяких* газетах, сказал задолго до дела Дрейфуса. Да и какие это “монархические” газеты в эту пору? Сколько их было? Зола был тогда аполитичен и возмущался только разносившей его критикой» (л. 4).

А. И. Роскин: «Он вспоминал улицы городов, в которых не мог более жить. В Москве — Пятницкую улицу с ее угрюмыми колокольнями и торговыми людьми; в Петербурге — длинную и невыносимо скучную Троицкую улицу...» (с. 202).

А. Г. Горнфельд: «...которая принадлежит к *коротким* улицам Петербурга и, впадая в Невский у Литейного, едва ли может считаться “невыносимо скучной”» (л. 4).

А. И. Роскин: «В проходе партера спиной к сцене стоял в синем мундире Дьяконов» (с. 37).

А. Г. Горнфельд: «Никогда учителя не бывали в театре в мундирах. Да и не мундиры были, а виц-мундиры (синие фраки с гербовыми пуговицами), в которых нигде кроме присутственных мест (гимназии) не ходили» (л. 4 об.).

* См.: ОР РГБ. Ф. 356 (Дерман, Абрам Борисович). К. 2. Ед. хр. 6. Письмо от 12.02.1940; Роскин А. И. Чехов. М.; Л.: Детская литература, 1939. Ссылки на страницы работы А. И. Роскина и письмо А. Г. Горнфельда даем в тексте.

** См.: ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 4. Ед. хр. 18. Л. 2 об.

А. И. Роскин: «— Я оплатил вексель, — сказал он глухим голосом, — и простите, мамаша... теперь это мой дом.

Он помолчал и начал долго объяснять ход процесса...» (с. 57).

А. Г. Горнфельд: «Это все чепуха. Оплата векселя не дает никаких прав на дом, который ведь не был в залоге по этому векселю и не продавался с торгов. “Ход процесса” и нечего объяснять: по векселю и не могло быть “процесса”, если он не оспаривался должником» (л. 4 об.).

А. Б. Дерман и А. Г. Горнфельд увидели в книге литературные и фактографические недостатки, что предопределило общий тон рецензии первого и оценки второго. Взгляд и критика под иным углом, например в исполнении рецензента «Литературного современника», давали иные плоды: «Роскину удалось установить правильное соотношение между жизнью страны, отразить которую с необычайной трезвостью и честностью сумел Чехов в своем творчестве, и собственной судьбой писателя, бесспорно служившей самым непосредственным источником для его произведений»*. Кроме того, рецензент принципиально разошлась с А. Б. Дерманом в оценке собственно литературных качеств работы А. И. Роскина, отметив проявившееся в повести мастерство «критика, биографа, беллетриста»**.

К слову, настаивал на «историчности» повести «Чехов» и Б. А. Этингин: «История присутствует здесь не в виде отвлеченных отступлений-характеристик. Через описание нравов таганрогской гимназии, цензуры 80-х годов, Сахалина, Александринского театра доходит до нас время Чехова»***.

Высоко Б. А. Этингин оценил и художественные качества работы, причем даже комплиментарнее, чем критик «Литературного современника»: «Когда художник пишет о художнике, выигрывает читатель. Мастерство, которым обладает Роскин, дает ему право на создание большого критико-биографического полотна о Чехове...»****.

Обращаясь к переформулировкам, касавшимся анализа общественно-политической составляющей чеховского наследия в биографической повести в сравнении с очерком 1935 г., приведем три наиболее показательных примера.

Первый касается сахалинской поездки и книги «Остров Сахалин». По версии очерка, А. П. Чехов в «Острове Сахалин», «сам того не сознавая, вынес суровый приговор царскому режиму»*****. В биографической

* Марголина А. Биографические повести Роскина // Литературный современник. 1940. № 5–6. С. 204.

** Там же. С. 205.

*** Этингин Б. А. Книга о Чехове // Литературная газета. 1939. 20 нояб. (№ 64). С. 5.

**** Там же.

***** Роскин А. И. Биографический очерк. С. 35.

повести труд о Сахалине «превращался в суровое обвинение по адресу всего царского строя» *. Мотивы «неосознанности» политических аспектов «Острова Сахалин» сменяются осмысленным обвинительным актом. Исчезают из повести и «герои-революционеры», вызывающие жалость и сочувствие, уступая место «новым чеховским героям», героям нового типа, ставшим проводниками чеховских мыслей «о широком и просторном будущем» **. Примечательны и концовки обеих работ, посвященные обоснованию актуальности чеховского художественного наследия. В очерке А. И. Роскин решает задачу так: «Россия, которую описывал Чехов, отошла в историю. Между чеховскими героями и людьми нашей страны легла пропасть. Но сам Чехов, его рассказы остались. Ибо в каждой их строке заключена правда о стране, отделенной от нас революцией. И эта правда призывает к борьбе за то, чтобы прошлое никогда более не вернулось» ***. Повесть завершается рассказом об умирающем писателе, который «глубоко проникся мыслью о необходимости создать другую, лучшую жизнь»: «И эта тоска о будущем, глубокая и мечтательная, вдохнула бессмертие в простые чеховские строки» ****. Таким образом, в очерке чеховская актуальность была обусловлена тематикой его творчества, пусть и потенциально обличительного, но в целом сводимого едва ли не к предельно объективному «бытописательству», а в повести А. И. Роскин вводит мотив бессмертия чеховского наследия, опираясь на осмысленные устремления А. П. Чехова: не лишенную абстрактности «тоску о будущем», но уже не ограниченную конкретными и чрезвычайно узкими «тематическими» рамками.

Вершинной точкой биографии А. И. Роскина стала повесть «Антоша Чехонте».

На первые главы журнального варианта «Антоши Чехонте», опубликованные в «Красной нови» в 1938 г., сдержанную рецензию напечатала «Детская литература». Ключевое достоинство «Антоши Чехонте» рецензент усмотрел в «большом чувстве меры», с которым А. И. Роскин использовал лежащий в основе повести фактический материал: он «без особого нажима, без излишнего злоупотребления черной краской, сумел сдержанно, в чеховской манере, но запоминающе и правдиво рассказать о детских годах Антоши» *****. Однако такого рода «скупость и сдержанность» приводят и к недостаткам: эскизно очерчена мать писателя, «слабо описание гимназических учителей»,

* Роскин А. И. Чехов. С. 152.

** Там же. С. 222–223.

*** Роскин А. И. Биографический очерк. С. 54.

**** Роскин А. И. Чехов. С. 231.

***** Нагель В. Повесть об Антоше Чехонте // Детская литература. 1939. № 7. С. 49.

«далеко не подробно рассказано о первых попытках Чехова начать работать “в литературе”». «Особенную досаду» рецензента вызвало «почти полное игнорирование важнейшего момента, наиболее существенного для понимания Чехова как писателя»: «Когда и при каких обстоятельствах зародилось в мальчике тяготение к перу и бумаге? Какие темы особенно привлекали его? Что именно было написано им в годы гимназического периода?»* Общетеоретические рассуждения о специфике биографических повестей и романов, основную сложность при работе над которыми рецензент усматривал в требовании одновременного создания и биографического, и исторического полотен и, следовательно, в необходимости изображения ситуаций, «которых, может быть, и не было, но которые могли бы быть», привели к выводу о еще одном недостатке повести, лишенной «той творческой интуиции, которая так помогает в биографическом жанре»: А. И. Роскин «не пожелал угадывать, а предпочел замалчивать там, где, по-видимому, не мог опереться на документальные данные»**.

О подготовленной к отдельному изданию рукописи «Антоши Чехонте» в 1940 г. положительно отзывался во внутренней рецензии ответственный редактор Ф. М. Левин, отмечавший, что прочел работу «с подлинным интересом»: «Она написана не только превосходным знатоком Чехова, но и хорошим беллетристом. Кроме того, что особенно важно, в повести ощущается тонкий ценитель литературы, критик, вдумывающийся в проблемы искусства вообще, чеховского творчества в частности. <...> Чехов у Роскина становится не просто объектом произведения из серии “Жизнь замечательных людей”, но персонажем художественного произведения»***.

Эпистолярный отзыв на «Антошу Чехонте» с подборкой фактических несообразностей — на сей раз адресованный уже лично А. И. Роскину в упомянутом выше письме от 5 марта 1941 г. — оставил В. В. Вересаев. Последний обратил внимание на неточность в написании псевдонима В. А. Гиляровского (Емеля Золя вместо Емеля Зола); на недостатки словоупотребления: В. А. Гиляровский у А. И. Роскина «вел беседы с бандитами», тогда как «в те времена бандитами у нас назывались только романтические америк<анские> и испанск<ие> разбойники, а в Москве были жулики, громилы и т. п.»; на некорректный симбиоз «лесопильных заводов» и «лесных складов», давший под пером А. И. Роскина «лесопильные склады»****.

* Там же. С. 49–50.

** Там же. С. 51.

*** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 3. Ед. хр. 3. Л. 1.

**** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 4. Ед. хр. 18. Л. 2 об.

Некоторые замечания В. В. Вересаева аналогичны претензиям, которые А. Б. Дерман предъявлял биографической повести А. И. Роскина «Чехов». В. В. Вересаев пишет о «неприятно-двойком» основном впечатлении: «не то это беллетристическая повесть, не то научная биография. Но для первой она недостаточно смела, для второй — слишком смела. Когда сам недостаточно знаешь факты чеховской биографии, то и дело встает докучный вопрос: правда это или нет? Правда ли, что Чехову было скучно читать Гумбольдта, что, когда он читал рассказы Лейкина, собственные его рассказы казались ему искусственными? И чуть не на каждой странице такие вопросы»*. Все эти возникшие перед В. В. Вересаевым вопросы являются следствием отмеченной в рецензии А. Б. Дермана «излишней беллетризации», «ненужной и досадной»: «Почему вместо того, чтобы прямо начать: Чехов принялся за историю медицины в России, потребовалось “вступление” довольно избитого свойства: “Чехов зашел в портерную напротив университета. Он решил за кружкой пива обдумать свою предстоящую научную работу. Он хотел писать историю медицины в России”. Ведь в эту кружку пива не веришь нисколько, как не веришь в десятки подобных псевдоконкретностей, разбросанных по книге. Вот описание театрального зала: “Понемногу набиралась публика: приказчики с нового базара, барышни в оливковых и красных кофточках, молодые конторщики с выражением напряженной обиды на лицах”. Если бы эти детали читатель пытался оспорить — было бы с полгоря: беда в полнейшем к ним безразличии! И именно потому, что это выдуманное, а не живое. Попробуйте написать “конторщики с выражением глупого веселья на лицах” — и право же, ничего от этого не изменится»**.

Вся разобранная выше критика фактических ошибок в повестях А. И. Роскина симптоматична. А. И. Роскин (напомним — 1898 года рождения) — один из первых крупных советских чеховедов, не прикоснувшихся непосредственно к чеховской эпохе в том объеме, в котором об этом можно говорить применительно к советским чеховедам старшего поколения, А. Б. Дерману (1880 г.р.) или Ю. В. Соболеву (1887 г.р.). А. И. Роскин достиг того, что принято называть «сознательным возрастом», в тот период, когда пресловутая «чеховская Россия» доживала последние дни, органичной культурной связи, проявляющейся в том числе и в мгновенной реакции на путаницу с цветными и черно-белыми журналами и подобные частности, с этой эпохой у А. И. Роскина быть не могло, «чеховскую Россию» он мог только реконструировать

* ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 4. Ед. хр. 18. Л. 2–2 об.

** Дерман А. Б. Чехов // Детская литература. 1939. № 10–11. С. 56.

и делал это, как ясно по реакции В. В. Вересаева, А. Г. Горнфельда, А. Б. Дермана, в «чеховской России» выросших и долго живших, с переменным успехом. Характерно, что почти ровесник А. И. Роскина — Ф. М. Левин (1901 г.р.) во внутренней рецензии отмечал: «А. Роскин, насколько я могу судить, остается на почве точных фактов, документов, мемуаров и т.п., а также самого чеховского творчества. В повести нет доммыслов и произвола»*. А спустя некоторое время, по мере все большего удаления социокультурных контекстов друг от друга, репутация фактической достоверности «Антоши Чехонте» сформируется как эталонная. В 1950-е гг., когда готовились к печати сборники избранных работ А. И. Роскина, внутренние рецензии содержали большое количество комплиментов в адрес историко-культурной базы «Антоши Чехонте». Д. С. Данин писал о том, что «каждая строка — буквально каждая строка! — в этом свободном, отнюдь не литературоведческом повествовании документально обоснована»: «“Антоша Чехонте” написан с поразительной безошибочностью...»**. Отмечала «знание материала» и В. В. Смирнова***. Итак, восемнадцать лет спустя после выхода первого издания книги ушло поколение, помнившее культурные реалии (почти) чеховского времени, а с этим поколением ушла возможность адекватно оценить мнимую и реальную историко-бытовую безошибочность работ А. И. Роскина, что еще раз подчеркивает естественность всех главных факторов неизбежности искаженного и неполного восприятия явлений конкретной культуры при взгляде на нее из дальних социокультурных контекстов.

Чем отличается «Антоша Чехонте» от «Биографического очерка» и биографической повести? И очерку, и повести свойственна некоторая степень «обезличенности», автор часто самоустраивается из текста, за исключением последних (идеологически важных) глав и рассеянных по тексту выкладок, несущих функции характеристик: о 1880-х гг., о нереализованных талантах старших братьев и т.п. В «Антоше Чехонте» А. И. Роскин «присутствует» полноценно и наиболее явно — либо в несобственно-прямой речи, когда образы «А. П. Чехова» и «автора» сливаются, либо в тех «чеховских» умозаключениях, которые не опираются на чеховские письма или прозу и создаются «по мотивам»: «Как часто внушали Антону, что человек должен лгать и заискивать — и притом вовсе не потому лишь, что это приносит пользу, выгодно, но еще и потому, что, только лицемеря, человек может быть “порядочным”, может сохранить свое “достоинство” <...>».

* ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 3. Ед. хр. 3. Л. 1.

** Там же. Л. 6–7.

*** Там же. Л. 18 об.

В отдалении от семьи Антон все сильнее начинал ощущать ничтожность подобного права на самоуважение»*. Аналогичный пример — рассуждения «А. П. Чехова» об университетских экзаменах, и экзаменах метафорических, которые «он держит... перед жизнью, непрерывно, один за другим»: «Вокруг себя Чехов видел много людей, которые служили в разных правлениях и обществах, занимались адвокатурой и врачебной практикой, писали в газетах и журналах, но никогда экзамена перед жизнью не держали, ни за каким призом не гонялись. <...>

Все эти адвокаты, врачи, журналисты, чиновники и разного рода деятели должны были внушать мысль о том, что держать экзамен совсем не нужно для счастья или, по крайней мере, для довольства, потому что слово “счастье” как-то очень уж к ним не шло.

Мысль об экзамене никогда не покидала Чехова**. В этом же ряду — объемное рассуждение о готовности к жертвам в искусстве, которые «скорее необходимы, чем неизбежны», готовности, которая должна проистекать от «огромного интереса к чужой жизни»: «Какую бы цену имело искусство, если бы оно создавалось людьми, духовно сытыми! Правда, бывает так, что эти духовно сытые люди пишут книги, картины и романы, но, кажется, никогда еще не случалось, чтобы произведения сытых приобрели признание народа и силу бессмертия»***. Последнее рассуждение вызвало нарекания Ф. М. Левина: «У Роскина получается так, что художник должен пройти через материальные лишения. Боюсь, что в этот тезис не уложатся многие большие художники прошлого. Нуждался ли Толстой, Тургенев, Гончаров, Фет? А как быть с нынешним искусством? Как будет дальше, в коммунистическом обществе?»**** (Налицо, впрочем, некоторое смешение понятий: А. И. Роскин писал не о материальной, но о духовной сытости.) Ф. М. Левин, кстати, заметил, что размышления А. И. Роскина в «роскинской форме переносятся на Чехова», что «не вполне соответствует облику Чехова», и отрывок о «сытости» отнес именно к такого рода рассуждениям*****. К примерам явного присутствия автора в повествовании причислим и литературоведческие элементы, гораздо менее заметные в очерке и биографической повести 1939 г. В «Антоше Чехонте» А. И. Роскин дает развернутую литературную и психологическую характеристику Н. А. Лейкина, рассуждает о влиянии прозы А. Доде на А. П. Чехова как писателя, предлагает подробный разбор рассказа «Конь и трепетная

* Роскин А. И. Антоша Чехонте. М.: Советский писатель, 1940. С. 75.

** Там же. С. 127.

*** Там же. С. 142.

**** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 3. Ед. хр. 3. Л. 2.

***** Там же. Л. 1 об.

лань», обстоятельно исследует генезис рассказа «Мертвое тело», рассуждает о чеховском пейзаже и о специфике петербургского колорита в произведениях А. П. Чехова. Таким образом, «Антошу Чехонте» можно рассматривать как работу, в которой нашли отражение эстетическая и литературоведческая программы А. И. Роскина, что вкупе с далеким от беспристрастного отношением исследователя к А. П. Чехову делает «Антошу Чехонте» самой «личной» книгой в творческом наследии А. И. Роскина.

Кроме того, А. И. Роскин, очевидно, не только прочел разобранную нами выше рецензию А. Б. Дермана на биографическую повесть «Чехов», но и почти все замечания учел во время работы над «Антошей Чехонте», причем это касается как фактических, так и стилистических ошибок и недостатков. А. И. Роскин купировал странную трактовку самоощущения А. П. Чеховым и его старшими братьями «маленькими каторжниками» во время пения в церковном хоре; исключил из текста несуразную причину отчисления старших братьев из ремесленного училища «за громкие успехи и тихое поведение»; удалил «пустую» в смысловом плане конкретизацию выражения лиц молодых конторщиков, собиравшихся в театре; вычеркнул замечание о том, что дети не знали, что такое вексель; исправил характеристику журнала «Сын Отечества» с «московского» на «столичный»; уделил внимание чисто языковой ошибке о походе А. П. Чехова после выпуска из гимназии к фотографу (вместо диалектного «пошел сам» — «пошел один»); купировал эпизод с поиском А. П. Чеховым опечаток в тексте его первых опубликованных рассказов и беллетристически клишированный зачин к истории замысла создания А. П. Чеховым научной работы*. Правда, и это вновь характерные последствия во многом «теоретического», а не непосредственного знания изображаемой эпохи, А. И. Роскин исправил ошибки, на которые ему было указано, и либо не заметил иных, либо сделал новые, о чем свидетельствуют вышеприведенные замечания из письма В. В. Вересаева.

Мы упоминали о точках соприкосновения «Биографического очерка» 1935 г. с чеховедческими штудиями вульгарных социологов, о сходстве, которое А. И. Роскин во многом преодолел в ходе поздних своих исследований. Избавленные от идейно тупиковых вариантов трактовок чеховского творчества, повести А. И. Роскина не стали концептуально уникальным явлением, наследуя основные достижения и формулы старших коллег. Сходство «Антоши Чехонте» и работ Ю. В. Соболева и А. Б. Дермана заключается в общей идее, оформленной с учетом жан-

* См. и ср.: *Роскин А. И.* Чехов. С. 10, 26, 37, 53, 61, 68, 80, 98 и *Роскин А. И.* Антоша Чехонте. С. 15, 22, 33, 43, 66, 75, 83, 139.

ровой специфики повести. Там, где у А. Б. Дермана и Ю. В. Соболева — цитаты или открыто авторские рассуждения, А. И. Роскин пользуется двумя приемами: либо несобственно-прямой речью, а также примыкающим к ней изложением фактов в формате «А. П. Чехову показалось», «А. П. Чехов подумал» и т. п., либо описанием персонажей, в котором сочетаются элементы взгляда со стороны и самохарактеристики, когда или персонаж «говорит» сам за себя, или авторские рассуждения оформляются в стилистически адекватном (по мнению А. И. Роскина) варианте для конкретного героя (т. е. авторское повествование стилизуется под рассказ героя о самом себе). Так обрисованы П. Е. Чехов, Н. П. Чехов, Н. А. Лейкин. Это помогало А. И. Роскину избегать инородных литературоведческих или публицистических вкраплений, но полностью сохранить их функции. Например, в гимназии «Антоша почувствовал себя словно находящимся в тюрьме», что позволяет не останавливаться на подробном описании специфических черт дореволюционной классической гимназии и сразу перейти к характеристикам преподавателей; мещанский быт семьи выражен в рассказе о характере и привычках П. Е. Чехова и в небольшой детали повествования о жизни в Москве старшего брата Александра: последний, составляя подробные расчеты ежедневных расходов, вспоминает, что и отец любил различные ведомости и балансы, и задается вопросом: «Значит, есть в нем, в Александре, это самое таганрогско-чеховское?»; характеристика Н. А. Лейкина отчасти заменяет описание специфики «малой прессы» и авторов низовых литературных эшелонов и т. п. *

Несмотря на то что «Антоша Чехонте» был лишен прямых авторских интерпретаций общественно-политических симпатий А. П. Чехова, отношения писателя к интеллигенции и прочего, и беллетризация здесь была наиболее последовательна, массовый читатель увидел в книге и общественно значимые мотивы, о чем свидетельствуют читательские письма в издательство «Советский писатель». Помимо отвлеченно-похвальных строк, например от преподавателя иностранных языков из Кинешмы: «Книга Роскина “Антоша Чехонте” мне чрезвычайно понравилась своим легким литературным языком, увлекательностью своего содержания и точностью автобиографических [sic] данных. Хочется горячо поблагодарить автора и пожелать ему написать такую же талантливую книгу о дальнейшей жизни Чехова» **, — среди

* Роскин А. И. Антоша Чехонте С. 12, 17–21 и 41, 99–104. Ср.: Дерман А. Б. Антон Павлович Чехов. С. 18–22 (о гимназии), 33–34 и 43–44 (характеристика «убогой мещанской среды», из которой вышел А. П. Чехов), 52 (краткая характеристика Н. А. Лейкина).

** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 4. Ед. хр. 23. Л. 1.

читательских отзывов встречаются и такие: «Я считаю, что книга очень полезна для учеников 9–10-х классов средней школы и даже для молодых студентов, так как ярко отражает, как приходилось жить Чехову-студенту при царизме, какие тяжелые условия были у него, и как он с ними боролся и не погубил свой талант. У меня два сына — студенты, и я напишу им, чтобы они обязательно прочли эту книгу, так как кроме пользы от этого ничего не будет для них.

Выражаю автору А. Роскину свое восхищение и прошу продолжить и далее биографию, уже не Чехонте, а Антона Павловича Чехова, самого милого писателя и человека» (домохозяйка из Читы)*.

Аналогичный пример — письмо от двадцатипятилетней девушки — лесного техника (станция Коноша): «Глубоко содержательное “произведение” о произведениях и жизни талантливого человека русского народа, отдавшего весь свой талант на служение именно народа, воспитавшего его. <...>

Прекрасно сложенный и подобранный материал дает яркое представление о Чехове, не только как о писателе-юмористе, а и как о человеке большой души, любящего свободу личности»**.

Иными словами, массовый читатель к началу 1940-х гг. был достаточно подготовлен к тому, чтобы идеологически относительно нейтральные тексты интерпретировать в категориях «борьбы с условиями царизма», «народности» и т.п. А. П. Чехов в последней повести А. И. Роскина представал в глазах читателей соотносимым как с официально одобряемыми форматами «нового человека», так и с реальным само- и мироощущением значительной части масс: образцом творческого строителя собственной жизни, верящего в свои силы и в будущее.

Итак, специфические черты основных этапов пооктябрьского освоения идейного и художественного наследия А. П. Чехова можно свести к следующей эволюционной схеме.

Путь начинался от «негативных» критических форматов (очерки Д. И. Киреева, П. С. Когана, В. М. Фриче), предлагавших «апофатические» модели чеховского мировосприятия и общественно-политических взглядов. Продолжился первой не во всем успешной, по мнению критики 1930–1950-х гг., попыткой преодоления этого «негативизма» (работы Ю. В. Соболева, нашедшего у писателя культурную и общественную программу, но явно неудачно охарактеризовавшего ее как «радикально буржуазную»). И привел к «позитивному» вписыванию А. П. Чехова в марксистскую и советскую культурную парадигму (критико-биографи-

* Там же. Л. 2–2 об.

** ОР РГБ. Ф. 705 (Роскин, Александр Иосифович). К. 4. Ед. хр. 23. Л. 3.

ческий очерк «Антон Павлович Чехов» А. Б. Дермана) и к трансляциям результатов этой работы в массы (повести А. И. Роскина).

Предложенное Э. А. Полоцкой противопоставление А. И. Роскина Ю. В. Соболеву и А. Б. Дерману в соответствии с критерием большей либо меньшей «социальной вульгаризации» любопытно, однако не соответствует реальности. Рудименты такой вульгаризации можно обнаружить в работах всех трех исследователей. Поэтому гораздо более адекватно противопоставлять Ю. В. Соболева, А. Б. Дермана и А. И. Роскина — представителям «негативистского» подхода: П. С. Когану, Д. И. Кирееву, отчасти В. М. Фриче. В этом случае разница между реальными, а не только заявленными методологическими установками каждой работы и аутентичностью выводов наглядна и бесспорна: к очеркам конца 1920-х гг. сегодня возможен исключительно источниковедческий интерес, как к текстам, характеризующим эпоху, в которую они были написаны, в то время как очерк А. Б. Дермана или повести А. И. Роскина в целом еще сохраняют не только историческую, но и чеховедческую ценность.

ТЕКСТ

